VISIT…

LANZAROTE Caliente.com

ПРАВОСЛАВНЫЕ ХРАМЫ

путешествие по святым местам

Храм Вознесения Господня у Никитских ворот
Москва

№ 73

Рождение шедевра

Полувековая стройка

Через века

Гробы 1917 года

Судьбы

«Участь моя решена...»

Рекомендуемая розничная цена: 69 руб.
Розничная цена: 14,90 грн, 16 900 бел. руб., 290 тенге

Еженедельное издание

ISSN 2304-0068

«Православные храмы.
Путешествие по святым местам»
Выпуск №73, 2014
Еженедельное издание

РОССИЯ
Издатель, учредитель, редакция:
ООО «Де Агостини», Россия
Юридический адрес: Россия, 105066, г. Москва,
ул. Александра Лукьянова, д. 3, стр. 1
Письма читателей по данному адресу не принимаются.

Генеральный директор: Николаос Скилакис
Главный редактор: Анастасия Жаркова
Старший редактор: Дарья Клинг
Фоторедактор: Дарья Соколова
Финансовый директор: Наталия Василенко
Коммерческий директор: Александр Якутов
Менеджер по маркетингу: Михаил Ткачук
Младший менеджер по продукту: Яна Чухиль

Для заказа пропущенных номеров и по всем вопросам о коллекции заходите на сайт **www.deagostini.ru**, по остальным вопросам обращайтесь по телефону бесплатной «горячей линии» в России:
8-800-200-02-01
Телефон «горячей линии» для жителей Москвы:
8-495-660-02-02

Адрес для писем читателей:
Россия, 600001, г. Владимир, а/я 30, «Де Агостини», «Православные храмы. Путешествие по святым местам».
Пожалуйста, указывайте в письмах свои контактные данные для обратной связи (телефон или e-mail).

Распространение: ООО «Бурда Дистрибьюшен Сервисиз»

Свидетельство о регистрации СМИ в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ №ФС77-47591 от 02.12.2011

УКРАИНА
Издатель и учредитель:
ООО «Де Агостини Паблишинг», Украина
Юридический адрес:
01032, Украина, г. Киев, ул. Саксаганского, 119
Генеральный директор: Екатерина Клименко

Для заказа пропущенных номеров и по всем вопросам о коллекции заходите на сайт **www.deagostini.ua**, по остальным вопросам обращайтесь по телефону бесплатной «горячей линии» в Украине:
0-800-500-8-40

Адрес для писем читателей:
Украина, 01033, г. Киев, а/я «Де Агостини», «Православные храмы. Путешествие по святым местам»
Україна, 01033, м. Київ, а/с «Де Агостіні»

Свидетельство о государственной регистрации печатного СМИ Министерства юстиции Украины КВ №18402-7202Р от 07.12.2011

БЕЛАРУСЬ
Импортер и дистрибьютор в РБ: ООО «Росчерк», 220037, г. Минск, ул. Авангардная, 48а, литер 8/к
Тел./факс: +375 (17) 331-94-41

Телефон «горячей линии» в РБ (9:00—21:00 по будням):
+ 375 (17) 279-87-87

Адрес для писем читателей:
Республика Беларусь, 220040, г. Минск, а/я 224, ООО «Росчерк», «Де Агостини», «Православные храмы. Путешествие по святым местам»

КАЗАХСТАН
Распространение: ТОО «КГП «Бурда-Алатау Пресс»

Рекомендуемая розничная цена: 69 руб.
Розничная цена: 14,90 грн, 16 900 бел. руб., 290 тенге

Издатель оставляет за собой право увеличить розничную цену выпусков. Издатель оставляет за собой право изменять последовательность номеров и их содержание.

Отпечатано в типографии: ООО «Компания Юнивест Маркетинг», 08500, Украина, Киевская область, г. Фастов, ул. Полиграфическая, 10

Тираж: 300 000 экз.

© ООО «Де Агостини», 2012—2014

Текст: Ксения Толоконникова

ISSN 2304-0068

Дата выхода в России: 28.01.2014

Оглавление

Эпоха
Лето Господне 1848 — 3

Рождение шедевра
Большое Вознесение у Никитских ворот — 4

Через века
«Лучший приход Москвы...» — 8

Святыни
Из новообретенного — 12

Облик
Московский ампир — 14

Окрестности
Бульвары, улицы, переулки — 20

Судьбы
Венчается раб Божий Александр... — 24
«Скорбью сжались сердца наши...» — 28

Современная жизнь
Большие надежды — 30

Иллюстрации предоставлены:
Передняя обложка: © Ксения Толоконникова/ООО «Де Агостини»; 3: (обе) © Fine Art/EastNews; 4: © К.А. Толоконникова, частный фотоархив, Москва; 4/5: (на развороте) © Евгений Сергеев/Фотобанк Лори; 5: (верх и низ, лев.) © Fine Art/EastNews, (низ, прав.) © К.А. Толоконникова, частный фотоархив, Москва; 6: (верх) © Grafika.ru/Fotodom.ru, (низ) © Ксения Толоконникова/ООО «Де Агостини»; 7: (верх) © Ксения Толоконникова/ООО «Де Агостини», (низ) © Антон Денисов/РИА «Новости»; 8: © К.А. Толоконникова, частный фотоархив, Москва; 9: (верх, лев.) © Сергей Субботин/РИА «Новости», (верх, прав.) © РИА «Новости», (низ) © К.А. Толоконникова, частный фотоархив, Москва; 10: © РИА «Новости»; 10/11: (на развороте) © Яна Королёва/Фотобанк Лори; 11: (лев.) © Ксения Толоконникова/ООО «Де Агостини», (прав.) © Р. Бениаминсон/РИА «Новости»; 12: (обе) © Ксения Толоконникова/ООО «Де Агостини»; 13: (центр) © Ксения Толоконникова/ООО «Де Агостини», (прав.) © К.А. Толоконникова, частный фотоархив, Москва; 14: (верх) © Ксения Толоконникова/ООО «Де Агостини», (низ) © Алексей Кокшаров/РИА «Новости»; 15/18: (все) © Ксения Толоконникова/ООО «Де Агостини»; 19: © С.А. Рубис; 20: © Ксения Толоконникова/ООО «Де Агостини», 20/21: (на развороте) © Ксения Толоконникова/ООО «Де Агостини»; 21: (верх) © К.А. Толоконникова, частный фотоархив, Москва, (низ) © Ксения Толоконникова/ООО «Де Агостини»; 22: (все) © Ксения Толоконникова/ООО «Де Агостини»; 23: (верх) © К.А. Толоконникова, частный фотоархив, Москва, (центр и низ) © Ксения Толоконникова/ООО «Де Агостини»; 24/25: (обе) © Fine Art/EastNews; 26: (верх) © Ксения Толоконникова/ООО «Де Агостини», (низ) © Яна Королёва/Фотобанк Лори; 26/27: (на развороте) © Александр Щепин/Фотобанк Лори; 27: (верх) © Fine Art/EastNews, (низ) © Сергей Субботин/РИА «Новости»; 28: © Государственная Третьяковская галерея, Москва; 29: (верх) © В. Леонов/РИА «Новости», (центр) © Валерий Шустов/РИА «Новости»; 30: (верх) © Владимир Федоренко/РИА «Новости», (низ) © Борис Кавашкин/Агентство «Фото ИТАР-ТАСС»; 31: (верх) © С.А. Рубис, (низ) © Алексей Дружинин/Агентство «Фото ИТАР-ТАСС».

Уважаемые читатели! Для вашего удобства рекомендуем приобретать выпуски в одном и том же киоске и заранее сообщать продавцу о вашем желании покупать следующие выпуски коллекции.

Лето Господне 1848

Беспокойным выдался год от Рождества Христова 1848-й. Беспокойным и многообещающим. Нашей стране он пообещал особенно много — ведь именно в 1848 году был опубликован «Манифест Коммунистической партии» Карла Маркса и Фридриха Энгельса.

▲ *«Неистовый Виссарион» (В. Г. Белинский) на сильно посмертном портрете (1876) работы А. К. Горбунова.*

События эпохи

1836 Началась постройка Царскосельской железной дороги, первой в России. Строительство Вознесенского храма у Никитских ворот завершено вчерне.

1837 Смерть А. С. Пушкина. В Москве заложен храм Христа Спасителя.

1839 Родился М. П. Мусоргский. Появление дагеротипии.

1840 Начало Первой опиумной войны в Китае.

1841 Британия становится первопроходицей в сфере туристического бизнеса: Томас Кук открывает первое туристическое агентство, существующее по сей день.

1844 Изобретатель телеграфа Сэмюэл Морзе посылает свою первую телеграмму из Вашингтона в Балтимор с соответствующей моменту ветхозаветной цитатой: «Дивны дела Твои, Господи».

1845 Учреждено Русское географическое общество.

1846 Открыта планета Нептун. Подавление Краковского восстания.

1848 Революции в Италии, Франции, Германии, Австрии. В Москве освящен храм Вознесения Господня у Никитских ворот. Смерть В. Г. Белинского.

В 1848 году митрополит Московский Филарет (Дроздов) освятил строившийся полвека храм Вознесения у Никитских ворот. Европу между тем сотрясали социальные катаклизмы. Восстания одно за другим вспыхивали во Франции, Австрийской империи, итальянских и германских городах и весях. Все сошлось одно к одному: неурожаи предшествующих годов, промышленный кризис, обнищание огромных масс людей, связанных с работой на мануфактурах (и преступное равнодушие к ним богатых и сильных мира сего), долговременное угнетение национального чувства со стороны «инородных» правителей. Где-то сильнее болело одно, где-то другое. Но болело уже настолько больно, что достаточно было одной искры, одного маленького повода, чтобы полыхнуло. Во Франции, например, таким поводом явилась попытка правительства запретить общественные банкеты. Оно понятно: именно с банкетов все начиналось летом 1847 года, однако ж в феврале 1848 года просто запрещать что-либо уже было поздно. Предержащие власти, как обычно, продемонстрировали топорность образа мысли и действия.

А в конце весны 1848 года, когда Москва цвела сиренью и в храме Вознесения совершались последние приготовления к его освящению, в Петербурге, в страшной скудости и муке, умер от чахотки В. Г. Белинский. Накануне смерти, 25 мая, он тосковал, хотя почти не кашлял. Ночью не мог спать, садился на постели. «Ты, верно, чего-нибудь испугался?» — спрашивала жена. «Как не испугаться! — отвечал страдалец. — Живого человека жарить хотят…»

▲ *Сажать «деревья свободы» (по-русски звучит двусмысленно) повелось от якобинцев. В течение последующего столетия во Франции сажали деревья с завидной регулярностью. В 1848 году обычай переняли итальянцы и баварцы. Век этих деревьев, впрочем, был недолгим: в 1850 году их выкорчевали почти повсеместно. На иллюстрации — акварель П.-Э. Лакоста, на которой изображена посадка «дерева свободы» в 1848 году.*

Большое Вознесение у

Строительство Вознесенского храма у Никитских ворот — одного из самых любимых москвичами ампирных храмов — растянулось на несколько десятилетий. Но и эта строительная история имеет свою предысторию.

Как многие другие московские храмы, церковь Вознесения Господня в Сторожах существовала первоначально в деревянном исполнении. И. Токмаков, автор «биографического» очерка о храме, увидевшего свет в 1890 году, относит его постройку к «ок. 1540» году, не раскрывая, впрочем, источников, на которые он опирался при выведении этой даты.

В 1629 году, согласно тому же Токмакову (и здесь он ссылается на «строильные книги, хранящиеся в Московском архиве Министерства юстиции»), Вознесенский храм горел. После пожара, как следует из Переписной книги московских церквей в Земляном городе (1657), он вновь был отстроен в дереве.

Говоря же о том, чему Вознесенская церковь обязана своей «фамилией» — «в Сторожах», Тутолмин справедливо отмечает: «На месте нынешней площади, называемой Никитскими воротами, как известно, были действительно ворота (Белого города. — *Прим. ред.*), с приставленными к ним сторожами, которые поселены были около церкви. Отсюда и получилось название».

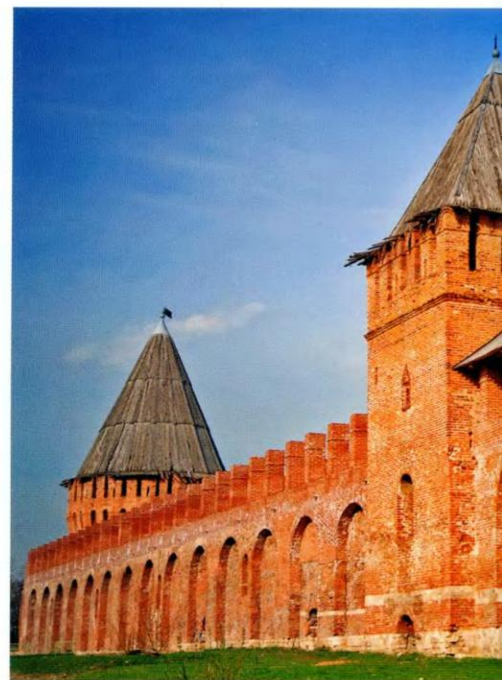
Никитскими же ворота назывались, в свою очередь, по Никитскому монастырю, существовавшему в начале нынешней Большой Никитской улицы и почти бесследно исчезнувшему в начале 1930-х годов. Ныне от него остались только келейный корпус и небольшая часть ограды.

Никитский монастырь, давший название Большой и Малой Никитским улицам, Никитскому бульвару и Никитским воротам. Улицы остались, а монастырь был принесен в жертву идее «новой социалистической столицы».

«Что в Царицыной улице»

Итак, с историей названия и топографией разобрались. Что дальше? А дальше вот что. В 1683—1685 (по другим сведениям — в 1685—1689) годах на месте деревянной церкви выстроили каменную «о пяти главах, обиты жестью, кресты золоченые, крыта лещадью каменной; при ней два придела во имя Владимирския Богородицы и Николая Чудотворца».

Крепостная стена Смоленска, строительством которой руководил Федор Конь. Он же чуть ранее строил и стену Белого города в Москве, так что по смоленским укреплениям можно в некоторой степени судить о несохранившихся московских. Стена Белого города шла, как известно, там, где сейчас проложены бульвары. И Вознесенская церковь стояла аккурат за ней — у Никитских ворот.

Строительство каменной Вознесенской церкви связано с именем царицы Натальи Кирилловны, матери императора Петра I. Ее двор находился неподалеку, в районе нынешнего Столового переулка. Государыня, известная своим великим храмоздательным усердием, пожелала иметь поблизости благолепную каменную церковь, и ее желание, разумеется, осуществилось. С близостью царицына двора связано второе прозва-

Никитских ворот

ние Вознесенского храма — «что в Царицыной улице».

Сочетавшись браком с Екатериной Скавронской, Петр I поселил близ церкви Вознесения жениных родственников. Здесь они жили и умирали. В частности, у церкви Вознесения была погребена родная сестра Екатерины I, о чем долгое время напоминала могильная плита с надписью: «1729 года, Апреля 14, представися раба Божия благоверные великие Государыни Императрицы Екатерины Алексеевны сестра ея родная Крестина Самойлова дочь Скавронских, а тезоименитство ея Июля 24 дня; а жития ея было 42 года, а прежде ея того же года, Декабря 25 представися супруг ея Симон Леонтьев сын Гендриков, поживе 56 лет, да 1731 года Февраля в 6 день представися дщерь их Агафья Симонова дочь, жена Григорья Петрова Соловова, поживе 16 лет и погребена против сей таблицы на сем месте». Плита сохранялась вплоть до разрушения старой Вознесенской церкви в 1831 году; дальнейшая судьба ее неизвестна.

◄ *Светлейший князь Г. А. Потемкин-Таврический, предполагаемый морганатический супруг Екатерины II, инициатор (тут уж без всяких предположений) строительства нового Вознесенского храма.*

Замысел светлейшего

Приход Вознесенской церкви был в значительной степени аристократическим. В этом районе жили Дурново, Ромодановские (включая того самого «князя-кесаря» Ивана Федоровича Ромодановского), Львовы, Голицыны, Гагарины и другие обладатели звучных фамилий. Начиная с 1740-х годов в приходе церкви Вознесения числился двор майора А. В. Потемкина. В 1755 году здесь проживала его вдова Дарья Васильевна с детьми Надеждой 17 лет, Григорием 16 лет и Дарьей 13 лет.

Прошли годы. Григорий Потемкин вырос, оперился, сделался светлейшим князем Потемкиным-Таврическим, и, как шептались придворные сплетники обоего пола, морганатическим супругом императрицы Екатерины Алексеевны. Согласно московской легенде, не потускневшей с летами, венчание императрицы и ее фаворита происходило в Вознесенском храме. И, возможно, именно в память об этом событии, имевшем (если имевшем)

▲ *Наталья Кирилловна Нарышкина, заказчица строительства первой каменной церкви Вознесения.*

▼ *Шатровая колокольня Вознесенской церкви, построенная при Наталье Кирилловне, дожила до 1937 года. На иллюстрации — снимок 1880-х годов.*

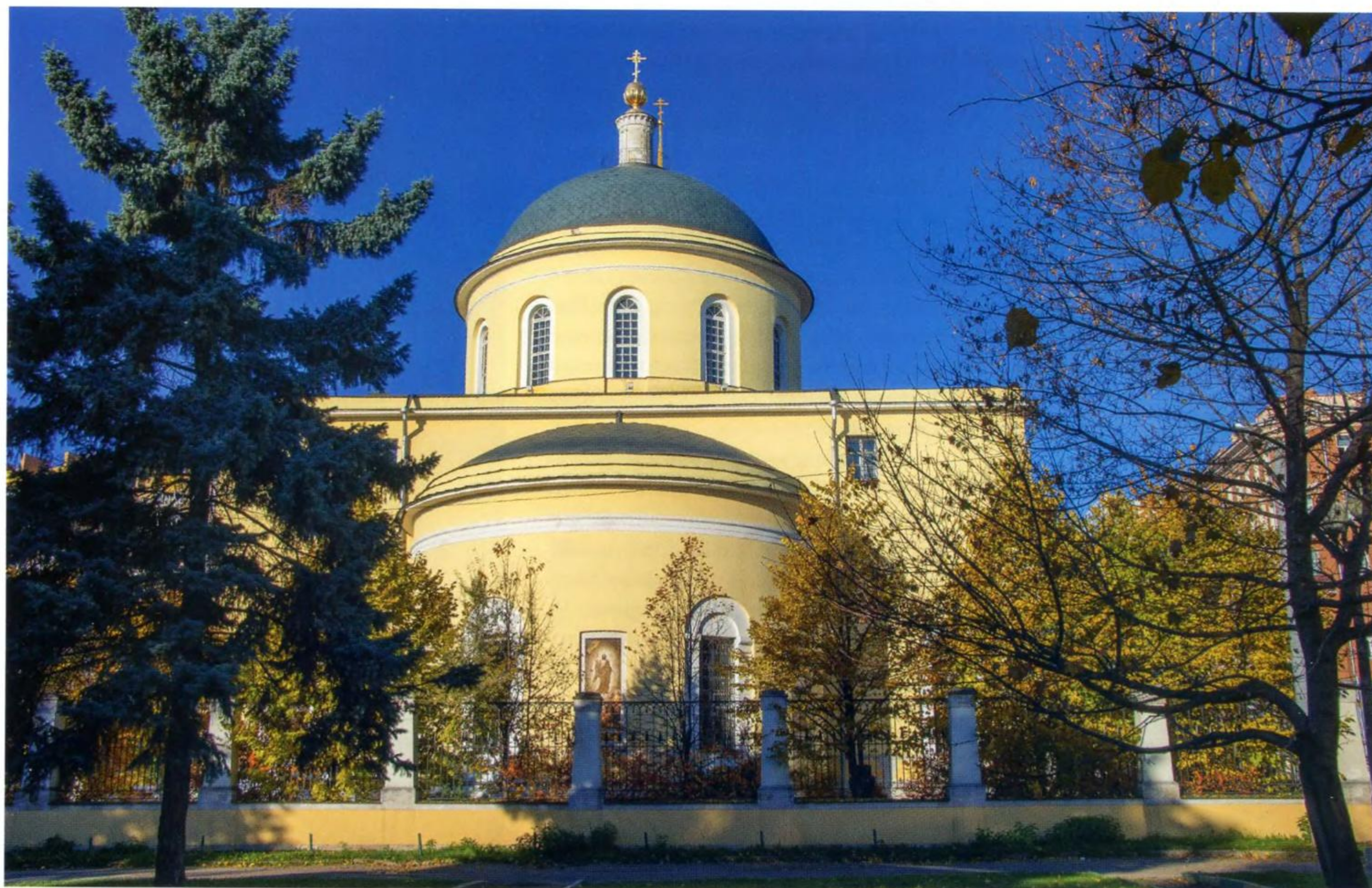
▲ *Белый город после пожара 1812 года. На дальнем плане — дом Пашкова. Недостроенный храм Вознесения также серьезно пострадал в этом пожаре, не только обгорев, но и оплавившись.*

▼ *Говорят, что у семи нянек — дитя без глазу. Но Большое Вознесение, строившееся под присмотром почти десятка архитекторов, в известной степени опровергает эту поговорку.*

место в 1774 или 1775 году, Потемкин в 1781 году, когда его матримониальные отношения с государыней оказались уже в прошлом, распорядился построить несколько восточнее старого храма новый — монументальный и великолепный. Формально он предназначался для чинов лейб-гвардии Преображенского полка, которого подполковником был Г. А. Потемкин, а полковником — сама Екатерина II. В будущем храме, мыслившемся как собор лейб-гвардии Преображенского полка, предполагалось «во время прибытия Ея Императорского Величества полковую чинить присягу, венчать браки, исповедовать и святых тайн приобщать». Благословил строительство митрополит Московский и Коломенский Платон (Лёвшин).

«Под окна»

Первым архитектором храма стал В. И. Баженов. Работы шли медленно, так как Баженов мог уделить новому проекту лишь часть своих сил, будучи занят в то время постройкой дома Пашкова на Моховой и дворцового ансамбля в Царицыне под Москвой. К тому же в 1791 году Г. А. Потемкин умер, «соборная идея» постепенно сошла на нет, и на строительной площадке воцарилась тишина. Возобновилась стройка только в 1798 году, по новому проекту другого корифея отечественного зодчества, М. Ф. Казакова. Казаков имел самые амбициозные планы: Вознесенский храм

должен был выйти огромным, с высокой колокольней и скульптурами по фасадам.

К 1805 году, однако, удалось завершить только теплую церковь (трапезную часть) с двумя приделами да заложить фундаменты холодной церкви и колокольни. Средств на стремительное воплощение казаковского проекта в жизнь явно недоставало. К 1812 году холодный храм был возведен только «под окна». А там — пожар и уничтожение всех трудов. Постройка, по свидетельствам современников, не только обгорела, но даже оплавилась.

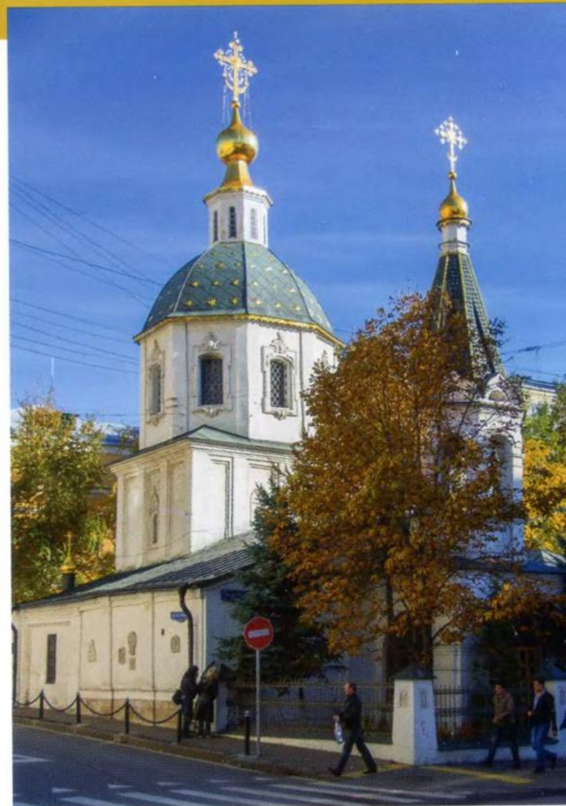
Потребовалось еще четыре года на то, чтобы привести в порядок трапезную часть, и в 1816 году ее освятил архиепископ Августин (Виноградский). Интересно отметить, что отец владыки Августина некоторое время являлся причетником при Вознесенской церкви и даже был лично знаком с ее именитым прихожанином — Григорием Потемкиным.

«Велено окончить...»

Вплоть до 1830-х годов новый Вознесенский храм стоял недостроенным. Только летом 1831 года, по личному распоряжению Николая I, начался следующий этап работ. «Велено окончить церковь Большого Вознесения, что у Никитских ворот, — писал московский почт-директор А. Я. Булгаков брату. — Тут был дом князя Потемкина; он оставил сумму на построение этой церкви по плану, также им начертанному, с тем чтобы наследники его все это исполнили... Государь приказал волю покойного исполнить, церковь кончить и наследников понудить взнести всякому, что следовать будет... Я, чаю, Браницкой, Литше и всем Голицыным, Высоцкому придется развязывать кошельки». Как видно из этого письма, прозвание «Большое Вознесение» уже укрепилось за недостроенным храмом. Таким образом москвичи отличали его от Малого (или Старого) Вознесения — церкви, с 1634 года стоявшей по Никитской улице ближе к одноименному монастырю.

За достройку Большого Вознесения взялся Ф. М. Шестаков, частично использовавший сохранившиеся чертежи Баженова и Казакова, но, однако, «ускромнивший» их. Так, например, Шестаков «смел» с фасадов скульптуры и уменьшил высоту подкупольного пространства. Другой архитектор, приложивший руку к облику храма, — О. И. Бове. Он частично переработал проект в соответствии с пожеланием одного из тех, кому пришлось «развязывать кошелек», — князя Д. В. Голицына. Голицын желал, чтобы церковь обрела сходство с недавно оконченным Преображенским собором Петербурга и в ее архитектуре, таким образом, отразился бы замысел Потемкина возвести собор для преображенцев. Бове не в полной мере согласился с ним: предложение князя подразумевало сооружение новых фундаментов. Однако на «родство» Большого Вознесения с петербургским собором зодчий все же намекнул, прибавив к его северному и южному фасадам колонные портики.

К 1836 году строительство Вознесенского храма вчерне завершилось, но внутренние работы растянулись еще на двенадцать лет. Лишь в 1848 году его торжественно освятил митрополит Московский Филарет (Дроздов). О новой же колокольне речи теперь и не шло — до лучших времен оставили нарышкинскую шатровую.

Вознесенская церковь на Большой Никитской улице — Малое Вознесение.

Ф. М. Шестаков (1787—1836)

Об «основном» строителе Вознесенского храма Федоре Михайловиче Шестакове известно не так уж много. Но судя по тому, что известно, он был типичным представителем «трудовой интеллигенции» своего времени. Происходя из вольноотпущенных крестьян А. С. Тутолминой, зодчий торил жизненную дорогу сам и кормил семью трудами рук своих. В 1813—1834 годах он служил в Комиссии для строений Москвы, поначалу архитекторским помощником, а с 1825 года — архитектором. Как профессионал Шестаков формировался под воздействием эстетики ампира и этому стилю остался верен до самой смерти, возведя в Москве немало характерных зданий, многие из которых дожили до наших дней. Среди самых известных московских построек мастера (помимо Большого Вознесения) — Троицкая церковь на Пятницком кладбище и храм Воскресения Словущего в Даниловской слободе. В Подмосковье ему также удалось отметиться — прежде всего, капитальной перестройкой церкви Михаила Архангела в Коломне. Кроме того, именно Шестаков строил в 1829—1835 годах здание Провиантских складов на Зубовском бульваре. Правда, проект этого здания (одного из немногих ампирных общественных зданий, сохранившихся в Москве), принадлежал В. П. Стасову.

Провиантские склады — плод совместных усилий В. П. Стасова и Ф. М. Шестакова.

▲ Тверской бульвар в конце XIX века. На заднем плане справа — храм Вознесения Господня у Никитских ворот.

«Лучший приход Москвы...»

Вознесенскому храму пришлось многое повидать на своем — не столь уж долгом по архитектурно-историческом меркам — веку. Повидать, в том числе, и такое, чего лучше бы никогда не видеть.

В продолжение XIX века Большое Вознесение оставалось «благородным» храмом. Лицо прихода определяли жившие неподалеку представители дворянских фамилий и отечественной, уже успевшей народиться, интеллигенции. Соответствующими были и приходские старосты. «В наши дни, — писал в 1890 году Токмаков, — когда особенно желательно возвратить Церкви и приходу искони и по праву принадлежащее им значение, весьма отрадно видеть, что во главе лучшего прихода Москвы становится представитель славного рода, унаследовавший исконное благочестие предков и любовь к дому Божьему. Недавно избранный староста граф Алексей Алексеевич Бобринский связан с храмом Вознесения Господня целым рядом родовых и семейных преданий». Вот о родовых и семейных преданиях, а также об «исконном благочестии предков» читать особенно любопытно, если помнить, что сахарозаводчик и археолог Алексей Алексеевич был праправнуком Екатерины II и ее фавори-

та Григория Орлова. А место Орлова в сердце матушки-императрицы занял как раз Потемкин, затеявший строительство Большого Вознесения. Но это так, к слову.

▲ *Существует такое старое московское предание, что в Большом Вознесении отпевали знаменитого актера М. С. Щепкина (1788—1863) (на иллюстрации его портрет работы А. С. Добровольского). Однако есть еще два храма, «претендующих» на эту честь: Иоанно-Златоустовский в Ялте (где, собственно, и умер Щепкин) и Филиппа Митрополита в Мещанской слободе (актер жил неподалеку, и здесь родные и друзья встречали гроб с его телом).*

«ЭТО БЫЛИ НАРОДНЫЕ ПОХОРОНЫ...»

В XIX — начале XX столетия в храме было пять престолов — в честь Вознесения Господня (главный), а также придельные — в честь Сретения Владимирской иконы Божией Матери, иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость» (весьма любимый москвичами образ), Усекновения главы Иоанна Предтечи и святителя Николая. Вокруг церкви вскоре после окончания ее отделки воздвигли по проекту Н. В. Никитина достойную ограду, а под присмотром А. И. Старова облагородили прилегающую территорию. Словом, жить бы да радоваться. Но вот пришел 1917 год.

Храму пришлось стать свидетелем ожесточенных боев между юнкерами и большевиками — площадь Никитских ворот не единожды переходила из рук в руки. К. Г. Паустовский, живший тогда на углу Тверского бульвара и Большой Никитской, вспоминал, что после боев «вдоль бульвара до самого памятника Пушкину пылали траурные факелы разбитых газовых фонарей. Весь бульвар был густо опутан порванными проводами».

13 ноября по старому стилю в Вознесенском храме отпевали погибших юнкеров. Митрополит Евлогий (Георгиевский), находившийся в то время в Москве как член Всероссийского Поместного Собора, так описывал этот день в своих мемуарах «Путь моей жизни»: «Большевики хоронили „своих“ без отпевания, в красных гробах, на Красной площади. А родители павших защитников Временного правительства обратились к собору с просьбой об отпевании и погребении их сыновей. Накануне, 12-го ноября, Патриарх (Тихон) сказал, что в храме Вознесения будут отпевать юнкеров. „Вы бы съездили“, — обратился он ко мне. Помню тяжелую картину этого отпевания.

▲ *Площадь Никитских ворот в первых числах ноября 1917 года, после окончания уличных боев.*

«ОБШИРНЫЙ ХРАМ БЫЛ ПЕРЕПОЛНЕН...»

В 1889 году 31 Декабря в храме было совершено освящение иконы, сооруженной усердием бывших дворовых людей в память чудесного избавления Государя Императора и Его Августейшей Семьи от грозившей Им опасности 17 Октября 1888 года, поднесения Его Императорскому Величеству Государю Императору. На иконе этой помещены изображения Св. Благоверного Князя Александра Невского, Св. Равноапостольной Марии Магдалины и проч. Святых, тезоименитых Членам Царской Семьи, а над ними изображен Нерукотворенный образ Христа Спасителя. Икона украшена драгоценной серебряной вызолоченной ризой, художественной работы, длиною 9 и шириною 7 вершков. По краям ризы сделана в древнерусском стиле кайма из разноцветной эмали, а поля ризы сделаны из эмали светло-голубого цвета. Риза сделана в мастерской известного Фабриканта Овчинникова. Торжество освящения иконы было совершено после поздней Литургии, которую совершал местный О. Настоятель Священник Арбеков соборне при стройном пении хора Чудовских певчих. По окончании освящения иконы О. Арбеков произнес прекрасное, приличное торжеству поучение, а затем диаконом Кафедрального Христа Спасителя Собора Сокольским было провозглашено многолетие Государю Императору, Государыне Императрице, Наследнику Цесаревичу и всему Царствующему Дому. Обширный Храм был переполнен молящимися.

И. Токмаков. Краткий историко-археологический и статистический очерк церкви Вознесения Господня, именуемое Большое, на Никитской улице, в Москве (1890)

Вознесенский храм в 1880-е годы.

Патриарх Тихон служит молебен у Никитских ворот. Рядом с ним, за его плечом; — архидиакон Константин Розов. Слева на переднем плане — келейник Святейшего Яков Полозов, убитый «вместо него» в декабре 1924 года.

Храм во имя Новомучеников и Исповедников Российских на бывшем Бутовском полигоне. Где-то здесь в числе многих других священнослужителей, монахов и простых верующих был расстрелян в 1937 году настоятель Вознесенского храма протоиерей Евгений Сердобольский.

Рядами стоят открытые гробы… Весь храм заставлен ими, только в середине — проход. А в гробах покоятся, словно срезанные цветы, — молодые, красивые, только что расцветающие жизни: юнкера, студенты… У дорогих останков толпятся матери, сестры, невесты… много венков, много цветов… Невиданная, трагическая картина. Я был потрясен… Похороны были в ужасную погоду. Ветер, мокрый снег, слякоть… Все прилегающие к церкви улицы были забиты народом. Это были народные похороны».

Тогда еще можно было отпевать и плакать. Можно было «толпиться» у дорогих гробов.

Последняя литургия Патриарха

В 1920 году в Большом Вознесении венчались П. А. Бакшеев и И. Ф. Шаляпина, дочь певца. «Отец в это время находился в Москве, — вспоминала Ирина Федоровна. — Так как мы жили недалеко от Никитских ворот, то для совершения обряда избрали церковь „Большое Вознесение"… Мне захотелось оставить особую память о дне свадьбы, и я попросила отца прочесть в церкви „Апостола". Время было трудное, не хотелось особой торжественности, а потому предложение устроить вход в церковь по билетам я отклонила. „Зачем? — думалось мне. — Церковь большая, гостей немного; ну, а если кто из посторонних и зайдет с улицы, то никому не помешает". Но тут произошло нечто непредвиденное. Весть о том, что Шаляпин будет читать на моей свадьбе, разнеслась по всей Москве, и в день венчания публика заполнила весь храм. Как говорится, негде было яблоку упасть. Когда я шла к аналою, то увидела отца: он стоял перед раскрытой большой церковной книгой. Хор, управляемый товарищем Федора Ивановича Михаилом Ивановичем Семеновым, стройно пропел молитву, и раздался голос, огласивший своды старого храма. Как-то особенно, своеобразно и даже не по-церковному читал отец. Его глубокий голос звучал как колокол — серебряным звоном. Народ, затаив дыхание, слушал чтение. Когда

отец, повышая голос, дошел до слов: „А жена да убоится своего мужа", он оглянулся на меня и посмотрел таким взглядом, что у меня пробежали мурашки по спине».

Подобное стечение людей храм увидел через три года, когда Москва прощалась со своим любимцем, архидиаконом Константином Розовым. Обладатель дивного баса, он многие годы служил в кремлевском Успенском соборе, а с восстановлением Патриаршества участвовал практически во всех Патриарших службах. Умер он сравнительно молодым, всего сорока девяти лет от роду. Патриарх Тихон, находившийся тогда во внутренней тюрьме ГПУ, на отпевание прибыть не смог, и его совершал протопресвитер Успенского собора Николай Любимов. По воспоминаниям современников, от Вознесенского храма до Ваганьковского кладбища великого архидиакона провожали тысячи людей, и процессия заполняла улицы во всю ширину.

► *Памятник писателю А. Н. Толстому, жившему неподалеку, установлен на месте разрушенной колокольни Большого Вознесения.*

Патриарх не смог проститься с Константином Розовым, но, освобожденный из-под ареста, он часто в последние годы своей жизни служил в Большом Вознесении. Здесь 23 марта 1925 года он наградил наперсным крестом с украшениями настоятеля храма протоиерея Евгения Сердобольского, впоследствии расстрелянного на Бутовском полигоне. И здесь же служил свою последнюю литургию 5 апреля 1925 года, в воскресенье пятой седмицы Великого поста, — за два дня до своей кончины.

ЭПОХА РАЗРУШЕНИЙ

Осенью 1931 года храм был, согласно постановлению ВЦИК, закрыт. Еще до того его «освободили» от всех золотых и серебряных предметов, а после закрытия начали планомерно уничтожать интерьеры. Рушили иконостасы, жгли иконы. Как вспоминали московские старожилы, к церкви приводили школьников, чтобы они тоже бросали иконы в огонь (такое нечаевское идеологическое наследство).

Позже в нем некоторое время находились различные конторы, а затем поместительное здание решили переоборудовать под гараж: в апсиде пробили ворота, закрасили оставшиеся росписи, сделали межэтажные перекрытия, причем при устройстве второго этажа понадобилось пробить дополнительные окна. В 1937 году варварское разрушение архитектурного ансамбля продолжилось сносом шатровой колокольни (на ее месте сейчас сквер с памятником А. Н. Толстому).

С 1960-х годов в храме находилась лаборатория Энергетического института им. Г. М. Кржижановского. Внутренность его была декорирована в связи с этим совершенно фантастическим образом: с потолка спускались приспособления для опытов в виде огромных спиралей и шаров, а все пространство под куполом занимала установка для генерирования искусственных молний.

▲ *Так выглядел храм в позднесоветские годы.*

В начале 1970-х годов, «подчищая» Москву к визиту президента США Ричарда Никсона, власти озаботились состоянием фасадов Вознесенской церкви. Фасады, действительно, привели в приличный вид. Но внутри все сохранялось по-прежнему — вплоть до начала 1990-х годов.

Из новообретенного

Как и в многих других храмах, в Вознесенском не осталось никаких «прирожденных» реликвий. Есть иконы относительно старые, но и они «пришли» в Большое Вознесение уже в новейшее время.

Неизвестно, сохранялись ли в новом храме Вознесения Господня какие-то иконы, перенесенные сюда из старой Вознесенской церкви. Есть сведения, что в начале XIX века из старого храма в трапезную часть новопостроенного постепенно начали «переезжать» образа и утварь. Но в 1812 году «недопостройка» горела, и вряд ли что-то существенное уцелело после того пожара. Надо притом иметь в виду, что в ту эпоху к старинным иконам — если только они не были чудотворными и особо почитаемыми — относились без всякой сентиментальности. Хранить их как памятники старины пока никому не приходило в ум.

Новые образа были сожжены в 1930-е годы. Тогда же, если верить воспоминаниям московских старожилов, уничтожили и образа из университетской Татьянинской церкви, переданные после закрытия последней в 1919 году в Большое Вознесение.

«Не копти Моего образа...»

Иконы, почитаемые ныне в Вознесенском храме, «пришли» сюда уже после его возрождения. Среди них есть примечательные и характерные — например, список XIX столетия с иконы Божией Матери «Скоропослушница». Первообраз находится в афонском монастыре Дохиар. Согласно монастырскому преданию, он был написан в X—XI веках, а прósла-

▼ *Икона Божией Матери «Скоропослушница», список второй половины XIX века.*

▼ *Икона великомученика Пантелеимона, убитого в 305 году при императоре Максимиане, с житийными клеймами. XIX век.*

вился как чудотворный в XVII веке. Связано это прославление с нерадивостью монастырского трапезаря по имени Нил. Проходя со свечой мимо иконы, помещавшейся тогда перед входом в монастырскую трапезную, он нечаянно закоптил лик Пресвятой Богородицы. «Не копти Моего образа», — услышал Нил голос от иконы, но после мимолетного испуга подумал, что это говорит ему кто-то из братии, и продолжал ходить вблизи образа с зажженной свечой. Внезапно он ослеп — и, осознав, чьи увещания слышал от иконы, принял слепоту как заслуженное наказание.

Утром братия обнаружили о. Нила распростертым перед иконой Божией Матери. Он рассказал им о том, что с ним произошло, и залился слезами. Монах решил не отходить от образа, пока не получит исцеления, и молился день и ночь. Очень скоро молитва его была услышана. «Прощаю тебя, — вновь услышал он от иконы, — и вновь даю зрение твоим очам. Возвести братии обители, что Я — их покров и защита монастыря, посвященного архангелам. Пусть они и все православные прибегают ко Мне в нуждах, и никого Я не оставлю. Всем призывающим Меня буду Я Предстательница, и по ходатайству Моему Сын Мой исполнит прошения их. И будет икона Моя именоваться „Скоропослушницей“, потому что всем притекающим к ней буду являть Я милость и услышание скорое».

В России списки с чудотворной афонской иконы широко распространились во второй половине XIX века; все они весьма похожи между собой по исполнению и стилю. Что касается Москвы, то здесь особенным почитанием пользовался список «Скоропослушницы», находившийся в Афонской часовне во имя вмч. Пантелеимона на Никольской улице.

Великомученик Пантелеимон, кстати, также присутствует в Вознесенском храме — своей иконой, писанной в конце XIX столетия.

Туфля с острова Корфу

В Никольском приделе находится другая «современная» святыня храма — туфля свт. Спиридона Тримифунтского. Раз в год мощи святого, почивающие на острове Керкира (Корфу) в одноименном городе, переобувают, а его «поношенные» туфли передают в другие храмы.

▲ *Ковчег с туфлей свт. Спиридона Тримифунтского.*

▲ *Утраченный Спиридоновский храм, стоявший на углу одноименных улицы и переулка. После пожара 1812 года церковь сильно перестраивали (что и заметно на этой фотографии 1880-х годов), однако в основе своей она осталась все той же постройкой эпохи Патриарха Филарета.*

На Руси к свт. Спиридону всегда относились очень тепло, молились ему — памятуя о том, что до епископского служения он был простым земледельцем, да и потом не брезгал пасти не только словесных овец, но и вполне обычных, — в сельскохозяйственных нуждах. Почитало святителя и высшее сословие, а равно и государи (при Александре I, например, это почитание особенно возросло, поскольку император появился на свет 12 декабря по старому стилю, в день памяти свт. Спиридона).

Символичен, кстати, «приход» туфли свт. Спиридона именно в Большое Вознесение. Неподалеку от него, в Спиридоньевской улице (именно так, а не Спиридоновкой, называлась она до 1941 года), на месте дома 24/1, стояла церковь Спиридона Тримифунтского. Местность здешняя исстари именовалась Козьим болотом. Здесь, натурально, пасли коз. А поскольку с определенного момента она принадлежала Патриарху Московскому, то и козы были «патриаршие»...

В 1630-е годы Патриарх Филарет (отец царя Михаила Феодоровича и сам Великий Государь) построил в своих владениях на Козьем болоте каменную церковь. Хотя свт. Спиридону в ней был посвящен лишь придел, а главный престол освятили в честь Рождества Пресвятой Богородицы, москвичи, раз назвав церковь «Спиридоновской на Козьем болоте», по-другому звать ее не хотели.

Церкви этой давно уж нет, ее снесли в 1930 году, построив в 1932—1934 годах на ее месте дом треста «Теплобетон». Его серая постконструктивистская глыба посейчас оформляет угол Спиридоновки и Спиридоньевского переулка. Но вот, остались названья улиц. И есть, где попросить святителя — с такой доверчивостью всегда обращавшегося к Господу — о заступничестве: в Большом ли Вознесении, в недальней ли церкви Воскресения Словущего на Успенском Вражке, где уже много лет находится старинная икона Спиридона Тримифунтского.

Московский ампир

Снаружи

◄ До революции белые плоскости, которые хорошо видны на фото, белыми не были. Здесь размещались живописные композиции.

Храм Вознесения Господня у Никитских ворот строился долго, с перерывами и многочисленными «переменами коней на переправе». В результате то, что получилось, оказалось весьма далеко от первоначального проекта. Более того, Потемкин предполагал создать для замысленного им «собора лейб-гвардии Преображенского полка» совершенно новую ландшафтную среду. «Предполагалось, — цитируем Токмакова, — местность, окружающую храм, занять церковными зданиями и садами, для чего пришлось бы даже снести соседние церкви...» Широкие планы светлейшего не реализовались. И хотя впоследствии, уже при советской власти, архитектурная среда площади Никитских ворот претерпела известные перемены, непосредственный сосед Большого Вознесения — храм Феодора Студита — остался на своем месте.

Вернемся, однако, к Большому Вознесению. Шестаковская версия проекта храма оказалась значительно более скромной и строгой, чем то предполагали Казаков и Баженов. Кроме того, северный и южный фасады обступили портики — уступка Бове пожеланию князя Голицына, чтоб храм походил на Преображенский собор в Петербурге. В итоге храм приобрел лаконичную выразительность, характерную для московского ампира (в отличие от петербургского, который все-таки более empire — имперский). Его декор минимален, объемы четко очерчены.

«Наружность Церкви, — писал Токмаков, — величественна, но несовершенно соразмерна; под карнизом стропил видите вы живописные изображения святых и многих случаев из жизни Спасителя, как например: Тайная Вечеря, Вознесение (живопись на фасадах утрачена. — *Прим. ред.*). Главный портик церкви хорош, но жаль, что не обращен на улицу: он сделан к стороне строений».

Уже в новейшее время силуэт храма обрел новую доминанту. Ею стала колокольня, выстроенная по проекту О. И. Журина, — редкий в наши дни пример культурного и деликатного вмешательства в «тело» памятника архитектуры.

▼ Преображенский собор в Санкт-Петербурге, «навязавший» Большому Вознесению портики.

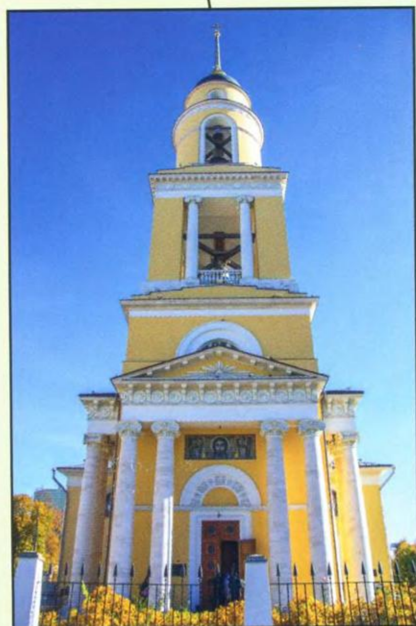
Обзорная площадка

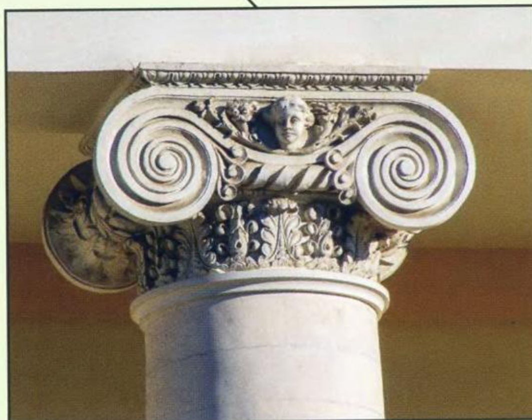

Барабан

Купол Вознесенского храма покоится на массивном барабане, прорезанном большими арочными окнами, лишенными каких бы то ни было «прикрас». Вообще, говоря об окнах, необходимо заметить, что в современном своем состоянии храм имеет их гораздо больше, чем имел прежде (сравните дореволюционную и современную фотографии). Эти окна представляют собой своеобразное наследие советской эпохи.

Капители

Как уже говорилось на соседней странице, декор Вознесенского храма весьма скромен. Единственное исключение здесь составляют четырехколонные портики с карнизами, украшенными изящной лепниной, и капителями с ангельскими головками.

Апсида

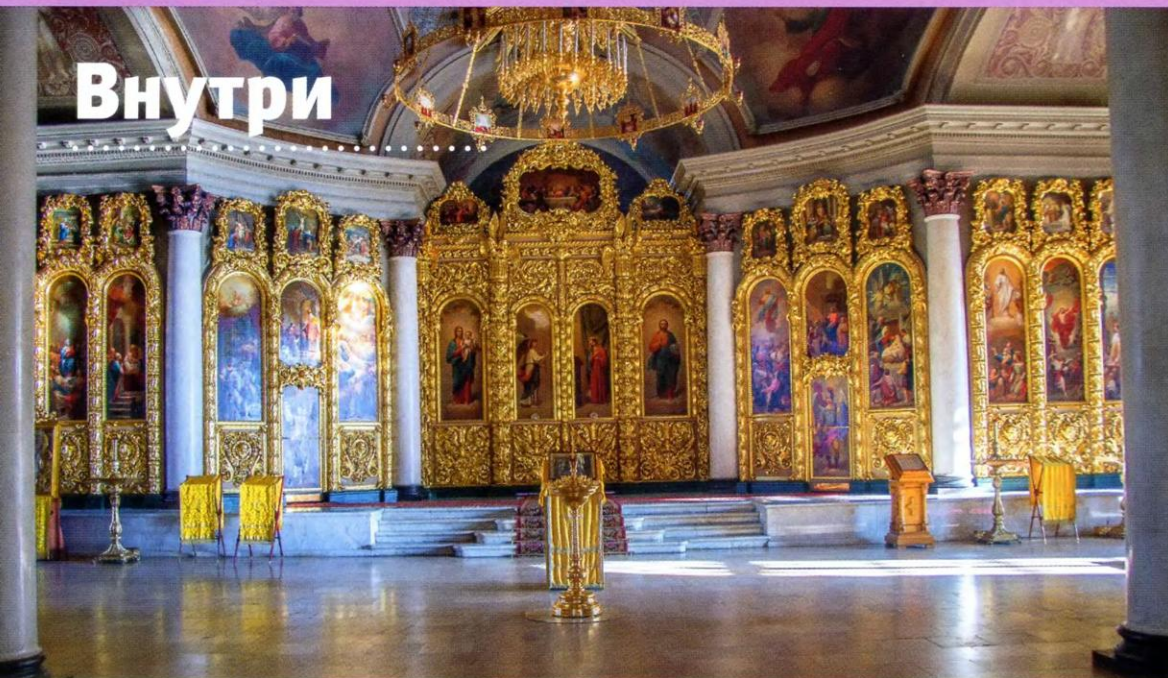
Единственная апсида храма перекликается со световым барабаном и формой окон, и узким карнизом над ними.

Колокольня

Высокая колокольня с двумя ярусами звона и золоченым шпилем придала храму новое звучание, выделив его среди значительно «возвысившейся» за последние сто лет городской застройки.

Православные
Храмы
путешествие по святым местам
Храм
Вознесения
Господня
у Никитских
ворот
Москва

Внутри

▲ *Центральный иконостас Вознесенского храма.*

РАЗГОВОР о внутреннем убранстве Вознесенского храма стоит начать все-таки с того, каким оно было прежде, в XIX — начале XX вв. Хотя до наших дней от первоначальных интерьеров сохранились лишь небольшие фрагменты живописи, «интегрированные» в современный комплекс росписей, без рассказа «о былом» наше знакомство с Большим Вознесением будет неполным.

Строительство храма в целом завершилось к 1836 году, но внутри работы продолжались еще около десяти лет. Такая «продолженность» во многом была связана с тем, что пришлось отойти от первоначального проекта обустройства интерьеров. Согласно ему, предполагалось расписать только «переднюю», т. е. восточную часть храма. Трапезная часть, уже освященная к тому моменту, должна была остаться без внимания живописцев. Но митрополит Филарет (Дроздов) благословил расписать весь храм и весь его сделать отапливаемым (восточная часть архитекторами мыслилась как летняя, холодная). Объем работ увеличился, таким образом, весьма существенно. Однако и результат того стоил.

Обратимся к Токмакову. «Внутренность храма, — пишет он, — отлична огромностию, украшением и живописью; здесь на стенах увидите вы многое мистико-аллегорическое, как, например, храм натуры и т. п.; живопись очень хороша». Живопись, о которой говорит автор, исполнялась под бдительным присмотром митрополита Филарета.

Современное убранство храма выглядит, на фоне многих других «новоделов», весьма достойно. И главный иконостас, и иконостасы приделов, расположенных в трапезной, исполнены с большим уважением к стилистическим особенностям Большого Вознесения. То же можно сказать и о росписях. «В музее Щусева, — рассказывает протоиерей Владимир Диваков, настоятель храма, — сохранились некоторые фотографии внутреннего убранства храма. И по ним мы восстанавливали его. Провели очень сложные и дорогостоящие работы — резьбу по дереву, золочение, написание икон, роспись сводов. Интересно, что когда мы стали расчищать своды, а расчищать приходилось скальпелем по дециметру, то под 8—10 слоями краски обнаружили остатки прежней росписи. Сейчас эта живопись открыта. И мы нисколько не жалеем, что положили столько сил, чтобы ее восстановить».

▶ *Деталь центрального иконостаса. Образ Успения Пресвятой Богородицы.*

▼ *Южный придел в трапезной — в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость».*

Структура храма

Цифры и факты

Первое упоминание о деревянном храме Вознесения Господня в Сторожах — 1619 год (Ладанная книга). Первый каменный храм построен в 1685—1689 гг. Ныне существующий — в конце XVIII — первой половине XIX вв. Храм имеет пять престолов — Вознесения Господня (главный), Сретения Владимирской иконы Божией Матери, Усекновения главы Иоанна Предтечи, свт. Николая, иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость». Приставной престол освящен во имя свт. Тихона, Патриарха Всероссийского.

Обозначения

1. *Основной объем*
2. *Алтарная апсида*
3. *Портик*
4. *Трапезная часть*
5. *Ярусы звона*
6. *Никольский придел*
7. *Скорбященский придел*
8. *Икона вмч. Пантелеимона с житийными клеймами*
9. *Икона Божией Матери «Скоропослушница»*

Бульвары, улицы, переулки

Сегодняшняя прогулка получится, возможно, несколько поверхностной — все из-за обилия достопамятностей вблизи Никитских ворот. Невозможно не упоминать о какой-либо из них, но и подробно остановиться на каждой — невозможно. Вот между этих двух «невозможностей», как между Сциллой и Харибдой, нам и предстоит пройти. Прогуляться. Впрочем, дотошный читатель не должен быть на нас в обиде — источников, где можно почерпнуть нечто о старой Москве, предостаточно.

Храм Вознесения Господня стоит на площади Никитских ворот — в точке встречи двух бульваров — Тверского и Никитского. К этой же площади «притекают» Большая и Малая Никитская улицы (Большая продолжает свое течение к центру, к Манежной площади, а Малая останавливает свой бег у Никитских ворот). К улицам, в свою очередь, стекаются, словно ручьи, переулки — со столь любезными сердцу любого москвича названьями: Вспольный, Леонтьевский, Вознесенский, Брюсов, Калашный… Бродить по ним можно бесконечно долго, то воздыхая об утраченным, то открывая нетронутые (ну или почти) уголки. Но мы первым делом отправимся по Никитскому бульвару.

По Никитскому бульвару

Здесь прежде всего нам предстоит встреча с храмом прп. Феодора Студита. Он, как и Большое Вознесение, числится «у Никитских ворот», но стоит на противоположном «берегу» Большой Никитской улицы. Согласно преданию, первая деревянная церковь была поставлена на сем месте в 1480 году — поскольку в тот год, именно в день памяти преподобного

▲ *Церковь прп. Феодора Студита у Никитских ворот.*

Феодора, войско хана Ахмата ушло от реки Угры. Иго кончилось.

Документально подтвержденным, однако, существование церкви становится лишь в 1620-е годы, когда ее отстроили в камне. Тогда она была монастырской. Но учрежденный Патриархом Филаретом монастырь просуществовал недолго, быв упразднен в 1709 году (монахов перевели в Новинский монастырь, ликвидированый в ходе секуляризационной реформы 1764 года). А церковь

▼ *Здесь жил и умер Гоголь.*

одна московская усадьба «послепожарной» (разумеем пожар 1812 года) постройки с трогательно накренившимся флигелем.

Противоположная сторона Никитского бульвара понесла в новейшее время невосполнимую утрату — в 1997 году был снесен так называемый «Соловьиный дом» (стоял под №6). Первые два этажа его относились к XVIII веку. В 1820-е годы он принадлежал директору Императорских театров Ф.Ф. Кокошкину. Здесь бывали М.С. Щепкин, П.С. Мочалов, А.С. Грибоедов. И «наше всё» — Пушкин. Спустя два года после сноса дома Москва размашисто праздновала двухсотлетие со дня рождения поэта...

К счастью, на четной стороне бульвара остались другие, говоря казенным языком, «ценные градоформирующие объекты» — Дом журналиста (XVIII—XIX века) и усадьба Луниных с флигелем (1818—1823), где ныне расположен Музей искусств народов Востока.

продолжила свой жизненный путь как приходская. В 1812 году она горела, в 1860—1870-е подвергалась значительной перестройке, в 1922 году закрылась (с последующим сломом колокольни), а в 1991-м — возвращена верующим.

▲ Так выглядел Феодоровский храм в конце XIX века.

Далее по нечетной стороне бульвара наше внимание должна привлечь усадьба Александра Петровича Толстого (под №7), интересная и сама по себе — как тип московской усадьбы, — и своей ролью в судьбе Н.В. Гоголя. Здесь великий писатель прожил последние отпущенные ему земные сроки, здесь и умер. Теперь тут посвященный ему музей, а во дворе стоит удивительный памятник Гоголю работы Н.А. Андреева — гораздо более выразительный, чем тот, что помпезно возвышается в начале Гоголевского (бывшего Пречистенского) бульвара. Интересно, кстати, что и с протоиереем Матфеем Константиновским, из которого советские литературоведы слепили мракобеса, фанатика-изувера, чуть ли не уморившего Гоголя, познакомил писателя именно Толстой.

Следующее строение — так называемый «Дом полярников», построенный в 1901 году как доходный и перестроенный в 1930-е годы по заказу Главсевморпути. Но жили здесь не только полярники, а, например, Елена Сергеевна Булгакова, вдова писателя. За «Домом полярников» — еще

По Большой Никитской

В 372 году на брегах Дуная по приказанию вождя вестготов Атанариха был жестоко убит мученик Никита Готский. А в первой половине XVI века в далекой Москве построили церковь в его честь, вокруг которой сложился женский

▼ Музей искусств народов Востока. Или, в просторечии, — Музей Востока.

▲ *Московская консерватория на Большой Никитской.*

монастырь — Никитский, давший название бывшей Новгородской улице, пролегавшей мимо него.

Древнейший участок Большой Никитской улицы — от Моховой до площади Никитских ворот. Увы, наша «экскурсия» не предполагает пристального всматривания в историческую топографию этого района; взгляд скользит по верхам, останавливаясь лишь на самых приметных постройках. Вот, по нечетной стороне, под № 13, — здание Московской консерватории, выстроенное на рубеже XIX—XX веков (до того консерваторцы мыкались по съемным квартирам) и расширенное в 1930-е годы. Напротив — уже знакомое нам Малое Вознесение, рядом с которым, на углу Большой Никитской и Брюсова переулка, приманивает взгляд характерный домок XVII века. Это так называемые палаты Арасланова, около двадцати лет назад совершенно неожиданно освобожденные от скорлупы позднейшей штукатурки.

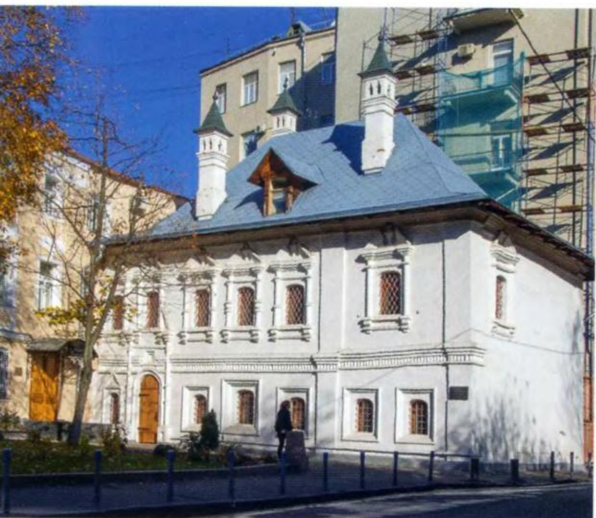
Брюсов переулок затягивает в себя. Еще бы! Слева — палаты Арасланова, справа — усадьба Брюсов (потомков Якова Брюса). Дальше — больше. Из-за ограды по левую руку вырастает готический фасад — англиканская Андреевская церковь (1880-е). А впереди уже встречает церковь Воскресения Словущего на Успенском Вражке — такая милая, такая ожиданная с своим одноглавым четвериком (1630-е) и послепожарной трапезной. Церковь никогда не закрывалась — за нее неизменно вступались жившие неподалеку, в доме ГАБТ, именитые артисты. Здесь хранятся дорогие москвичам святыни — иконы Божией Матери «Взыскание погибших», свт. Спиридона Тримифунтского. Несколько десятилетий в храме служил митрополит Питирим (Нечаев; 1926—2003).

Но бегом, бегом обратно, к площади Никитских ворот. Не смотрим на кирпичные жилые башни «улучшенной планировки», смотрим на то, что осталось от старой Москвы. А таки кое-что осталось. Городская усадьба Суворовых, например (№ 44), памятник XVIII—XIX веков; главное здание построено в 1812—1817 годах. Здесь родился Александр Васильевич Суворов, будущий фельдмаршал. Сразу вслед за ним (№ 46) — усадьба П. И. Бибикова (XVIII—XIX века), примечательная, помимо всего прочего, тем, что в одном из ее уголков жил М. А. Булгаков. Посольства, которых несколько на Большой Ни-

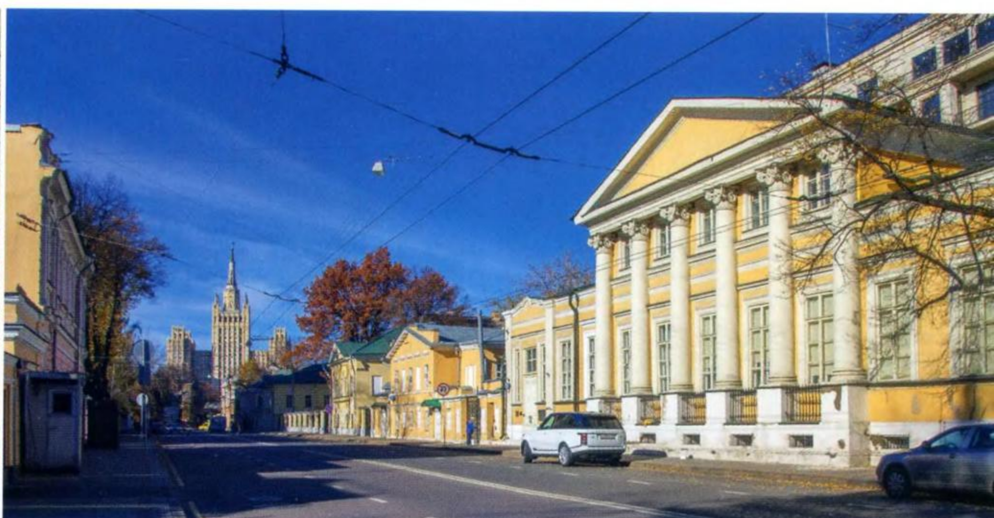

▲ *Храм Воскресения Словущего на Успенском Вражке.*

▼ *Палаты Араслановых — случайная находка.*

▼ *Большая Никитская. Усадьба Суворовых, где родился знаменитый военачальник.*

китской и в прилегающих переулках, занимают особняки конца XIX — начала XX веков.

По Малой Никитской

В XVII веке Малая Никитская еще Малой Никитской не была. Она именовалась Георгиевской (в просторечии — Егорьевской) улицей и упиралась во Вспольный переулок, где, собственно, на углу стояла церковь вмч. Георгия на Всполье, построенная в XVII веке, перестроенная в XVIII и уничтоженная (а никто и не сомневался) в XX.

В начале XIX столетия улица «прорвалась» к Садовому кольцу и стала Малой Никитской. Историческая застройка Малой Никитской представлена главным образом особняками и доходными домами рубежа XIX—XX веков, но есть и более ранние «экземпляры».

Самое известное здание на Малой Никитской — особняк С. П. Рябушинского, построенный в 1900—1903 годах Ф. О. Шехтелем. Именно в этом особняке находится знаменитая мраморная «лестница-волна». К сожалению, многие предметы интерьера, созданные по эскизам Шехтеля, сгинули в пору владения особняком различными советскими организациями, которые по-хозяйски расположились здесь после 1917 года. Особенно жалко камина из каррарского мрамора.

В 1932 году в шехтелевской золотой клетке поселили вернувшегося из дальних стран «буревестника революции» — Максима Горького. Но прожил он здесь недолго, в 1936 году умер. Сейчас в особняке музей-квартира писателя.

С Малой Никитской свернем, уж позвольте, на Спиридоновку, хоть мы уже и заглядывали сюда, говоря о церкви свт. Спиридона Тримифунтского. Застройка здешняя похожа на «малоникитскую» — особняки и доходные дома. В доме №6, кстати, жил зимой 1903—1904 годов Александр Блок, о чем свидетельствует задумчивый памятник поэту, установленный по соседству; а в доме на углу Спиридоновки и Гранатного переулка, в квартире писателя Бориса Зайцева, Иван Алексеевич Бунин познакомился со своей будущей женой Верой Муромцевой.

Гранатный переулок назван по Гранатному двору, основанному в XVI веке для изготовления артиллерийских снарядов. Долгое время считалось, что от построек Гранатного двора ничего не сохранилось, но в 1970-е годы часть его комплекса — палаты XVII века — были обнаружены и отреставрированы (правда, по мнению ряда историков архитектуры, отреставрированы небезупречно).

▲ *Церковь Георгия Победоносца на Всполье, уничтоженная большевиками.*

▶ *Особняк Рябушинского, построенный Ф. Шехтелем.*

◢ *Палаты XVII века, принадлежавшие к ансамблю Гранатного двора.*

Венчается раб Божий Александр...

▲ *Акварельный портрет А. С. Пушкина (1836) работы П. Ф. Соколова.*

«Бедный Пушкин! — говорил Борис Пастернак. — Ему следовало жениться на Щеголеве и позднейшем пушкиноведении, и все было бы в порядке. Он дожил бы до наших дней, присочинил бы несколько продолжений к Онегину и написал бы пять „Полтав" вместо одной. А мне всегда казалось, что я перестал бы понимать Пушкина, если бы допустил, что он нуждался в нашем понимании больше, чем в Наталии Николаевне».

Пушкин встретил Nathalie Гончарову в декабре 1828 года на бале танцмейстера Иогеля, куда маменьки вывозили своих едва-едва обновивших длинные платья дочек. «У Иогеля, — писал Л. Н. Толстой в «Войне и мире», — были самые веселые балы в Москве. Это говорили матушки, глядя на своих adolescentes (подростков. — *Прим. ред.*), выделывающих свои только что выученные па; это говорили и сами adolescentes и adolescents, танцовавшие до упаду; это говорили взрослые девицы и молодые люди, приезжавшие на эти балы с мыслию снизойти до них и находя в них самое лучшее веселье».

В апреле 1829 года поэт просил руки Натальи Николаевны, но ему было отказано — под тем предлогом, что невеста слишком молода (и действительно, ей шел только семнадцатый год). Однако сам Александр Сергеевич считал, что на отказ повлияла его дурная репутация — вольнодумца, картежника и волокиты. В отчаянии он уехал на Кавказ, а вернувшись через несколько месяцев, нашел у Гончаровых чрезвычайно холодный прием. Однако весной 1830 года отношение к Пушкину со стороны будущей тещи Натальи Ивановны (а именно она заправляла всеми делами семейства) переменилось. Говорили, что Наталья Николаевна сама переубедила маменьку, будучи увлечена поэтом. Возможно, девушке еще и «просто хотелось замуж», чтобы проститься с не слишком уютным родительским домом, а перебирать женихов ей — хотя и красавице, но бесприданнице (Гончаровы к описываемому времени совершенно разорились), — не приходилось. Как бы ни было, 6 апреля Александр Сергеевич вновь сделал предложение, и его приняли. Через месяц состоялась помолвка.

Неслучайность

Свадьба долго откладывалась — в силу разных причин. Венчание было назначено только на 18 февраля (2 марта по новому стилю) 1831 года, причем уже в этот самый день «Наталья Ивановна послала сказать Пушкину, что надо еще отложить, что у нее нет денег на карету или на что-то другое» (рассказывала Е. А. Долгорукова П. И. Бартеневу). Пушкин опять

▲ *Черты Н. Н. Пушкиной мы знаем главным образом по этому портрету А. П. Брюллова, созданному в 1831—1832 годах.*

послал теще денег (из его же средств готовили и приданое для невесты), и таким образом дело уладилось.

Любопытно, что венчаться собирались не в Вознесенской церкви у Никитских ворот, которая к тому времени еще стояла недостроенная и «неизящная», а в домовом храме С. М. Голицына, славившемся своими интерьерами. Но митрополит Филарет (Дроздов) настоял, чтобы венчание происходило именно в Большом Вознесении, поскольку это был приходский храм Гончаровых, живших на Никитской (дом не сохранился). Сам Пушкин, серьезно относившийся к подобного рода совпадениям, придавал этому исключительное значение. П. В. Анненков, коего по праву можно считать отцом отечественной пушкинистики, отмечал в связи с этим: «День его (Пушкина. — *Прим. ред.*) рождения был тоже в самый праздник Вознесения Господня. Обстоятельство это он не приписывал одной случайности. Важнейшие события в его жизни, по собственному его признанию, все совпадали с днем Вознесения».

«Я ЖЕНАТ — И СЧАСТЛИВ»

Многие современники вспоминали о том, как «негладко» прошло венчание. Л. Н. Павлищев, сын сестры Пушкина, писал: «Мать мне рассказывала, как ее брат, во время обряда, неприятно был поражен, когда его обручальное кольцо упало неожиданно на ковер, и когда из свидетелей первый устал, как ему поспешили сообщить после церемонии, не шафер невесты, а его шафер, передавший венец следующему по очереди. Ал. С-вич счел эти два обстоятельства недобрыми предвещаниями и произнес, выходя из церкви: „Tous les mauvais augures!“». Рассказывали и о других «mauvais augures» (дурных предзнаменованиях): свече, будто бы потухшей в руке поэта, и падении

Участь моя решена. Я женюсь...

(С французского)

Участь моя решена. Я женюсь...

Та, которую любил я целые два года, которую везде первую отыскивали глаза мои, с которой встреча казалась мне блаженством — Боже мой — она... почти моя.

Ожидание решительного ответа было самым болезненным чувством жизни моей. Ожидание последней заметавшейся карты, угрызение совести, сон перед поединком, — всё это в сравнении с ним ничего не значит.

Дело в том, что я боялся не одного отказа. Один из моих приятелей говаривал: «Не понимаю, каким образом можно свататься, если знаешь наверно, что не будет отказа».

‹...›

Я женюсь, то есть я жертвую независимостию, моею беспечной, прихотливой независимостию, моими роскошными привычками, странствиями без цели, уединением, непостоянством.

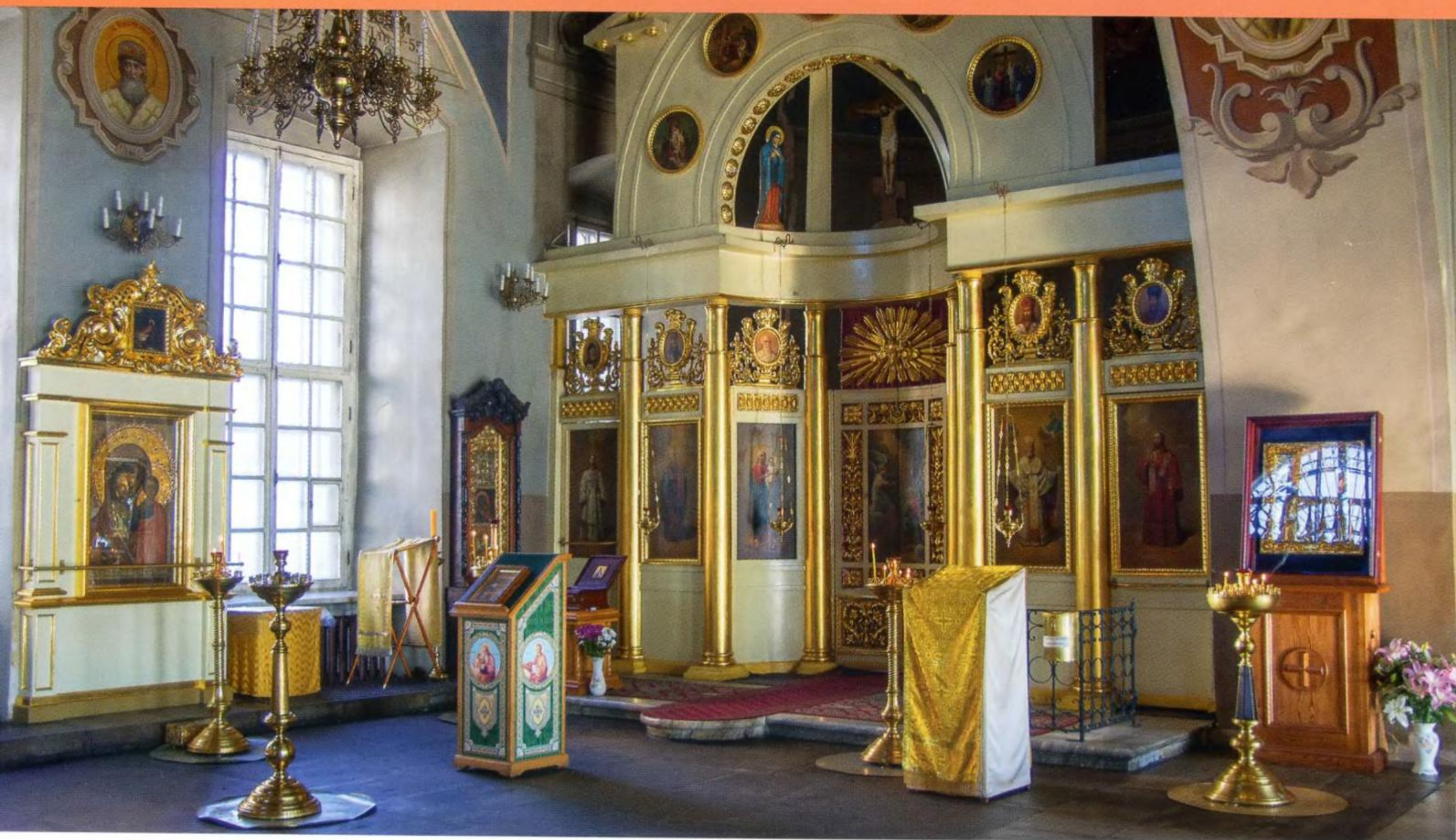
Я готов удвоить жизнь и без того неполную. Я никогда не хлопотал о счастии, я мог обойтиться без него. Теперь мне нужно на двоих, а где мне взять его?

‹...›

В эту минуту подали мне записку: ответ на мое письмо. Отец невесты моей ласково звал меня к себе... Нет сомнения, предложение мое принято. Наденька, мой ангел — она моя!.. Все печальные сомнения исчезли перед этой райской мыслию. Бросаюсь в карету, скачу; вот их дом; вхожу в переднюю; уже по торопливому приему слуг вижу, что я жених. Я смутился: эти люди знают мое сердце; говорят о моей любви на своем холопском языке!..

Отец и мать сидели в гостиной. Первый встретил меня с отверстыми объятиями. Он вынул из кармана платок, он хотел заплакать, но не мог и решился высморкаться. У матери глаза были красны. Позвали Наденьку; она вошла бледная, неловкая. Отец вышел и вынес образа Николая Чудотворца и Казанской Богоматери. Нас благословили. Наденька подала мне холодную, безответную руку. Мать заговорила о приданом, отец о саратовской деревне — и я жених.

А. С. Пушкин

▲ *Никольский придел в Вознесенском храме у Никитских ворот. Именно в этом приделе венчались Пушкины.*

с аналоя креста (а по иным сведениям — и Евангелия).

Тем не менее первое время после свадьбы молодые, кажется, были очень счастливы. В свете присматривались к этому счастию недоверчиво, Пушкина считали неспособным остепениться. «Ну, да как будет хороший муж! — писал о Пушкине уже цитированный нами А. Я. Булгаков своему брату К. Я. Булгакову. — То-то всех удивит, никто этого не ожидает, и все сожалеют о ней (то есть о Наталье Николаевне. — *Прим. ред.*)». Сам же Александр Сергеевич сообщал вскоре после свадьбы П. А. Плетневу: "Я женат — и счастлив; одно желание мое, чтоб ничего в жизни моей не изменилось — лучшего не дождусь. Это состояние для меня так ново, что, кажется, я переродился».

«Носи по мне траур два года...»

Чужая семья, как и душа, — потемки. Но, кажется, нет в истории русской литературы другой такой семьи, шкапы и комоды которой перерывали бы столь усердно и современники, и потомки, как семья Пушкиных. И, конечно, более всего толков всегда вызывала предыстория дуэли поэта с Жоржем Дантесом, а именно главный в этой предыстории вопрос — о степени виновности Натальи Николаевны. Оставим в стороне эти толки — желающие погрузиться в них с легкостью могут осуществить свое намерение за пределами данного текста. В рамках нашего повествования существенно одно: Пушкин не сомневался в том, что жена его перед ним чиста. На смертном одре он несколько раз повторял это — в том числе и ей самой. Несмотря на страдания от раны, по временам усиливавшиеся до невыносимости, Пушкин беспокоился о ее будущности, о том, что оставляет ее с четырьмя детьми на руках в самом запутанном положении — и речь не только о материальной стороне дела. Решаясь сообщить Наталье Николаевне, что рана его смертельна, он не в последнюю очередь руководствовался же-

▼ *Дом на Арбате, где Пушкины нанимали квартиру в первые месяцы после венчания.*

▲ *«Дуэль Пушкина с Дантесом» (1884), картина А. А. Наумова. Вызывая Дантеса на дуэль, Пушкин ставил себе вполне определенную цель: убийство. Перед смертью, однако, он раскаялся в своем намерении, исповедался и причастился Св. Таин. Священник, принимавший исповедь, был настолько тронут его благоговением, что, по воспоминаниям Е. И. Мещерской-Карамзиной, говорил: «Я для себя самого желаю такого конца, какой он имел».*

лением обезопасить ее от пересудов: «Люди заедят ее, думая, что она была в эти минуты равнодушною».

Но равнодушной жена поэта не была. Врач Н. Ф. Арендт, облегчавший, как мог, слабыми средствами тогдашней медицины его предсмертные муки, произнес примечательные слова, записанные П. А. Вяземским: «Для Пушкина жаль, что он не был убит на месте, потому что мучения его невыразимы; но для чести жены его — это счастье, что он остался жив. Никому из нас, видя его, нельзя сомневаться в невинности ее и в любви, которую к ней Пушкин сохранил». В том же духе высказывались и другие присутствовавшие при последних днях жизни Пушкина.

До последней минуты Наталья Николаевна была уверена, что Пушкин будет жить, и когда, наконец, смерть наступила, она не могла в нее поверить. С ней сделались конвульсии, не прекращавшиеся несколько дней. Она кричала, плакала, винила себя в гибели мужа. Близкие друзья семьи старались поддержать ее — хотя, возможно, в этой поддержке было менее участия к ней самой, чем желания отдать некую дань памяти Пушкина. Вполне откровенно рассказывает об этом Е. Н. Мещерская (дочь Н. М. Карамзина): «Я все это время была каждый день у жены покойного, во-первых, потому, что мне было отрадно приносить эту дань памяти Пушкина, а во-вторых, потому, что печальная судьба молодой женщины в полной мере заслуживает участия. Собственно говоря, она виновата только в чрезмерном легкомыслии, в роковой самоуверенности и беспечности, при которых она не замечала той борьбы и тех мучений, какие выносил ее муж. Она никогда не изменяла чести, но она медленно, ежеминутно терзала восприимчивую и пламенную душу Пушкина; теперь, когда несчастье раскрыло ей глаза, она вполне все это чувствует, и совесть иногда страшно ее мучит. В сущности, она сделала только то, что ежедневно делают многие из наших блистательных дам, которых однако ж из-за этого принимают не хуже прежнего; но она не так искусно умела скрыть свое кокетство, и, что еще важнее, она не поняла, что ее муж был иначе создан, чем слабые и снисходительные мужья этих дам».

Или нам мнится, или в самом деле это сочувствие горчит осуждением?

После смерти Пушкина Наталья Николаевна с детьми провела несколько времени в деревне. В 1844 году она вышла замуж за П. П. Ланского, исполнив тем самым предсмертную волю своего первого мужа: «Ступай в деревню, носи по мне траур два года, и потом выходи замуж, но за человека порядочного».

◣ *Весной 1831 года Пушкин увез молодую жену в Царское Село — подальше от Москвы и интриг властной тещи. Впоследствии отношения Натальи Ивановны с зятем наладились (но не потому ли как раз, что они теперь жили далеко друг от друга?). На фото: дача Китаевой в Царском, где поселились супруги.*

▼ *Диван, на котором умирал раненый поэт. Музей-квартира А. С. Пушкина на набережной Мойки в Петербурге.*

«Скорбью сжались сердца наши...»

В 1928 году, незадолго до закрытия Большого Вознесения, в нем отпевали Марию Ермолову. Актрису, чье имя стало символом, а роли — эпохой, погребала, буквально, вся Москва.

◀ *Знаменитый портрет М. Н. Ермоловой (1905) кисти Валентина Серова.*

Ночью 12 марта 1928 года в Москве, в доме на Тверском бульваре, тихо умерла Мария Николаевна Ермолова. Уснула и не проснулась. Уже несколько лет она не появлялась на сцене, жила очень уединенно, общаясь лишь с родными и самыми близкими знакомыми. Но ее смерть вновь соединила людей в любви к ней — актрисе высокого трагического дарования, олицетворявшей собой правду искусства. В день ее отпевания, по воспоминанию дочери актрисы, М. Н. Зелениной, «бульвар, обе Никитские, площадь, сад и подъезд „Большого Вознесения" были переполнены народом».

Служили митрополит Сергий (Страгородский) и епископ Трифон (Туркестанов). Преосвященный Трифон, чья московская юность пришлась на годы расцвета дарования Ермоловой, «царившей» в Малом театре, после отпевания обратился к присутствующим — к тем, кто смог протиснуться в храм, — с искренним словом: «Давно уже угасал светильник жизни нашей дорогой усопшей, со дня на день надо было ждать ее кончины, и тем не менее, когда донеслась до нас весть об этом, тяжелой скорбью сжались сердца наши... К честным людям, несущим радостную весть духовного воскресения мира, принадлежит, по моему убеждению, почившая гениальная артистка Мария Николаевна. Что же принесла она с собой в сокровищницу человеческого богатства? Какую благую весть она сказала нам? А вот какую. Она будила спящую мертвым сном житейской пошлости и суетности душу людскую своими сценическими образами. В порывах вдохновляющего восторга или тоскующей любви звала людей к вековечным идеалам Божественной правды, добра, красоты».

Погребли Марию Николаевну, согласно ее завещанию, в подмосковном селе Владыкине, близ церкви Рождества Богородицы.

Трагическая актриса

«Мария Николаевна Ермолова — это целая эпоха для русского театра, а для нашего поколения это — символ женственности, красоты, силы пафоса, искренней простоты и скромности», — говорил К. С. Станиславский. И это так. Слава Ермоловой — не дешевая «звездность». Это слава, добытая потом, кровью неустанного труда. И это слава не ради славы. Те образы, которые актриса воплотила на сцене, — Катерины в «Грозе» и Ларисы в «Бесприданнице» Островского, Лауренсии в «Овечьем источнике» Лопе де Веги и многие другие — были ею прожиты, осмыслены, «выращены» из авторского текста,

подобно тому как из чертежей выращивается здание. Она не играла, она служила. И, конечно, ее исполнение запечатлевалось в сердцах зрителей. Случалось, что после спектакля ее провожала столь внушительная толпа, что приходилось перекрывать уличное движение…

А между тем ни известностью своей, ни сопряженными с нею «возможностями» она не дорожила. В ней, дочери театрального суфлера, присутствовал тот врожденный аристократизм, который исключал всякое лицеприятие. «Ей стоило бы открыть свои двери, — свидетельствовала Т. Л. Щепкина-Куперник, — и к ней хлынули бы и московские аристократы и московские миллионеры. Мария Николаевна при встречах была со всеми неизменно вежлива, той природной внутренней вежливостью, какая у нее была ко всем, начиная от московского генерал-губернатора и кончая театральной сторожихой (как тогда называли уборщиц), с той разницей, что к сторожихе она более

▲ *Собственно дом Ермоловой на Тверском бульваре. Сейчас здесь ее мемориальный музей.*

внимательно приглядывалась и если замечала, что та расстроена, то немногословно спрашивала, в чем дело, и, если это было возможно, приходила на помощь. Но с сильными мира сего дальше вежливости дело не шло».

«Не забывай Его искать…»

Исключительная простота, а в контексте артистической среды — подлинный аскетизм в быту, искренняя и долголетняя привязанность к тем немногим, кто был действительно ей родствен по духу, постоянная готовность прийти на помощь к каждому, кто в ней действительно нуждался, — вот «рецепты» ермоловского достоинства в жизни. И еще — «не так живи, как хочется, а так, как Бог велит». Мария Николаевна была верующим человеком.

Сейчас принято, удаляясь от советского театро-, искусство-, литературо- и прочих «ведений», говорить о том, что тот или иной творец ходил в церковь, имел духовника или, во всяком случае, «глубоко верил в душе». Появились «православная пушкинистика», «православное достоевсковедение» и т. п. И с одной стороны, бывает радостно узнать в ком-то одноверца, а с другой — временами чувствуется здесь какая-то натяжка, какая-то или чрезмерно наивная, или, напротив, не вполне целомудренная легкость в проговаривании важнейших вещей. Отписался. Отмахнулся. Отпихнулся. И даже не всегда понятно — зачем.

Но для Ермоловой, судя по ее переписке, воспоминаниям тех, кто ее знал, и, наконец, поступкам, вера в Христа составляла действительный стержень жизни. «Милая моя, — писала она в 1915 году единственной дочери, ради которой пожертвовала многим личным, — твои огорчения и беспокойство дома мучают меня

▲ *Юбилейное чествование М. Н. Ермоловой. 1920 год. При большевиках Ермолову «не трогали» и даже «официально уважали» — одну из первых ее подарили званием народной артистки республики, а дом, в котором она жила, оставили ей «в пожизненное пользование».*

больше всего… Есть только одно средство: обратиться к Богу: Приидите ко мне все труждающиеся и обремененные, и Аз упокою вас. Возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, яко смирен и кроток сердцем, и обрящете покой думам вашим. Иго бо Мое благо и бремя Мое легко есть. Надо, чтобы душа не мучилась… Один Бог может это сделать, только обратись к Нему, ищи Его… Не забывай Его искать… Не мудрствуй, а только слушай Его, и ты найдешь Его, и впервые почувствуешь, что такое душевный покой, которого ты не знала в жизни твоей!..» А после смерти актрисы в ее бумагах нашли отрывок из стихотворения К. Р. (великого князя Константина Константиновича), переписанный от руки летом 1919 года, «Научи меня, Боже, любить…». Это стихотворение во множестве «изводов» в те годы ходило по Москве как молитва. И были в нем такие слова: «А за Церковь, святую мне мать, научи пострадать даже кровью…» Чем-то отозвалось сердце Ермоловой на эти безыскусственные, но такие «своевременные» строчки.

Передача верующим храма Вознесения Господня у Никитских ворот и начало богослужений в нем совпало с трудным и радостным временем в истории Церкви. Многими сейчас оно вспоминается с нежностью и ностальгией. Конечно, в этой ностальгии есть нечто от вздоха по ушедшей (уходящей) молодости, тому юному неофитству, которое теперь, когда мы стали старше, кажется немного смешным. Кажется намного более прекрасным, чем серьезная взрослая трезвость. Иногда.

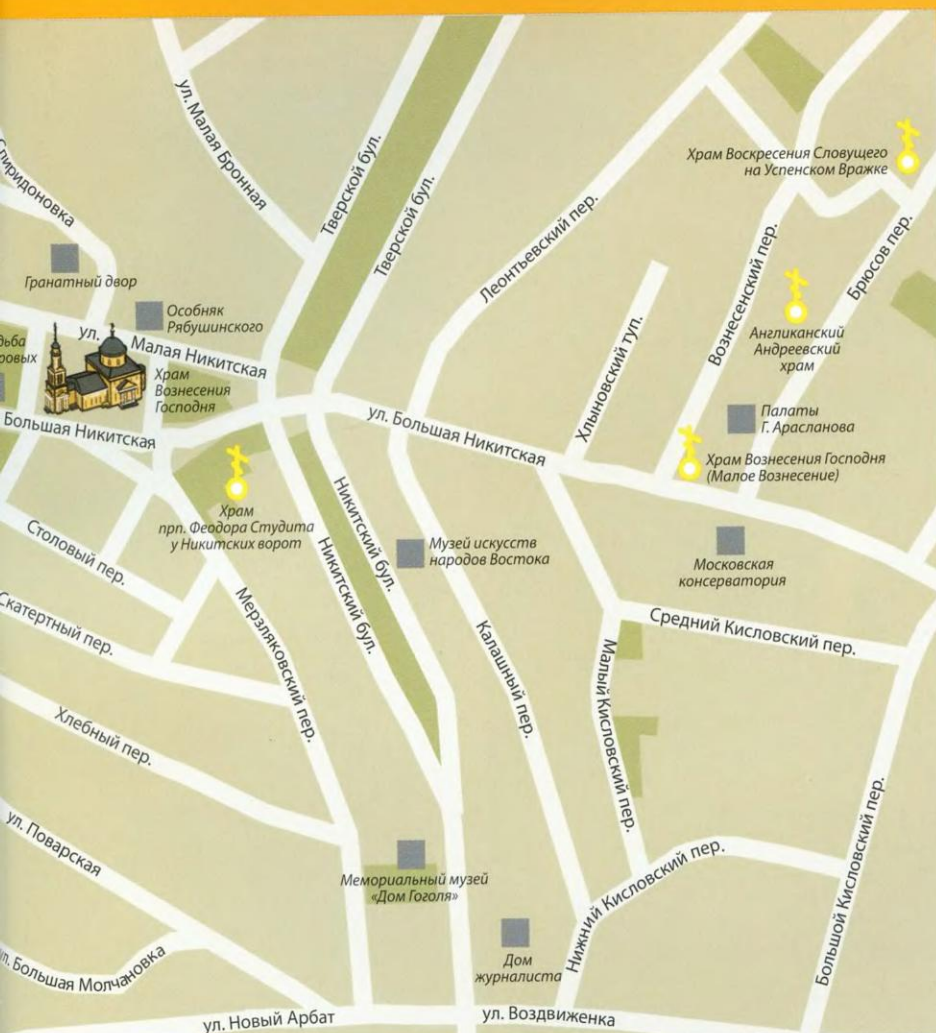
23 сентября 1990 года. Патриарх Алексий II на ступенях Вознесенского храма после совершения молебна.

Большие надежды

Возрождение Вознесенского храма началось еще при Советском Союзе. Произошло это весьма знаменательным образом. 23 сентября 1990 года в Успенском соборе Московского Кремля состоялась первая с 1918 года литургия, а после нее крестный ход, возглавляемый Патриархом Алексием II, двинулся по Большой Никитской к площади Никитских ворот. Первый на памяти москвичей крестный ход за многие советские десятилетия. Тысячи людей шли за Патриархом, и каждый из них был свидетелем и участником истории.

Строится новая колокольня. 2002 год.

Справочная информация

Богослужения в храме Вознесения Господня у Никитских ворот совершаются ежедневно, в 8:00 — литургия, в 18:00 — вечерня и утреня. По воскресным и праздничным дням служатся две литургии — в 7:00 и в 10:00. Накануне — всенощное бдение в 18:00. При храме действует воскресная школа, проводятся катехизаторские беседы. Настоятель храма — протоиерей Владимир Диваков.

Контакты

Адрес: 121095, Россия, Москва, ул. Б. Никитская, д. 36
Телефон: +7 (499) 690-59-36
Страница храма на официальном сайте Московского Патриархата:
www.patriarchia.ru/db/text/416274.html

Как добраться

До храма удобно дойти от нескольких станций метрополитена, и каждый маршрут интересен в смысле обозрения окрестностей. От «Арбатской» — по Никитскому бульвару, от «Пушкинской» и «Тверской» — по Тверскому бульвару (или по Большой Бронной и Спиридоновке), от «Охотного ряда» — по Большой Никитской.

Великая суббота. 1997 год.

В тот день Патриарх совершил чин Малого освящения Вознесенского храма. После молебна на южном крыльце Святейший сказал: «Сегодня два храма — Успенский собор Кремля и храм „Большое Вознесение" отметили первое биение сердца возвращающейся духовной жизни». Успенский собор, правда, так и не возродился в полной мере к богослужебной жизни, но в Большом Вознесении с того памятного дня 23 сентября 1990 года служили ежедневно.

Условий, конечно, не было никаких. Алтари оказались настолько разрушены, что служить в каком-либо из них не представлялось возможным. Временный алтарь выгородили в проходе между наосом и трапезной (и в первые годы богослужения проходили исключительно в трапезной части). В 1991 году малым чином в Вознесенском храме был освящен приставной престол во имя святителя Тихона, Патриарха Всероссийского.

Сейчас московским прихожанам уже трудно вообразить себе подобный экстрим: под ногами хлопают и скрипят листы фанеры, которыми закрыты провалы в полу, в храме стоит «легкий морозец», о каком бы то ни было «благолепии» и «комфорте» речи не идет. Но те, кто в эти годы вел сознательную церковную жизнь, помнят: никогда не дышалось и не молилось так легко, не смотрелось вперед так светло. Время больших надежд.

В 1997 году, на Пасху, прошла первая служба в главном алтаре Вознесенского храма, а в мае 1999 года, в праздник Вознесения Господня, Патриарх Алексий II совершил здесь чин великого освящения шести престолов (включая приставной во имя свт. Тихона), что можно считать беспрецедентным событием в новейшей истории Церкви — шесть престолов одновременно освящены великим чином.

Еще спустя пять лет была освящена колокольня Большого Вознесения. Храм принял тот вид, который имеет теперь.

НЕ ПРОПУСТИТЕ СЛЕДУЮЩИЙ НОМЕР!

Никольский собор, Николо-Шартомский монастырь (Ивановская обл.)

Уже в XVI веке, насколько позволяют судить документы, Николо-Шартомский монастырь близ Шуи принадлежал к числу весьма известных и уважаемых. Однако каменные здания начали появляться в нем сравнительно поздно, лишь в середине XVII столетия. И первым из них был соборный храм во имя святителя Николая Чудотворца.

В ПРОДАЖЕ ЧЕРЕЗ НЕДЕЛЮ!

16+